

КНИГА ЗА КНИГОЙ

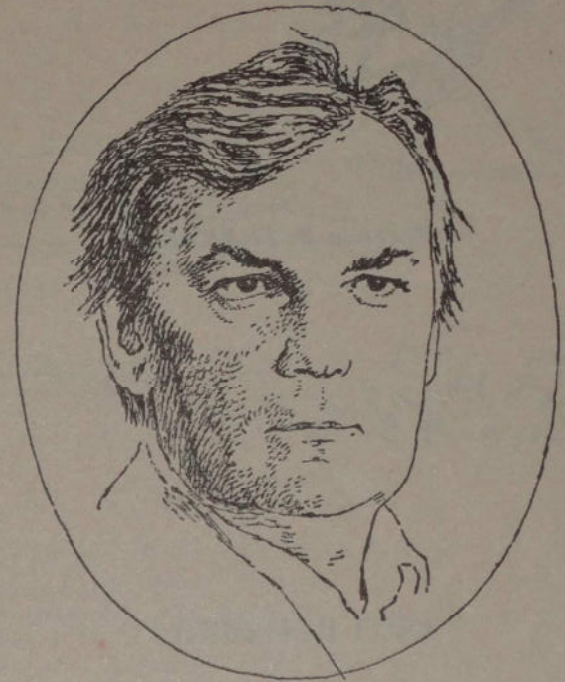

С. Романовский

ПЕВУЧАЯ
ГОРА

*Издательство
„Детская литература“*

КНИГА ЗА КНИГОЙ

С. РОМАНОВСКИЙ

ПЕВУЧАЯ ГОРА

Рассказы

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1987

Рисунки И. ГОДИНА

Романовский С. Т.

P69 Певучая гора: Рассказы/ Рис. И. Година.— М.:
Дет. лит., 1987.— 64 с., ил.— (Книга за книгой).

10 к.

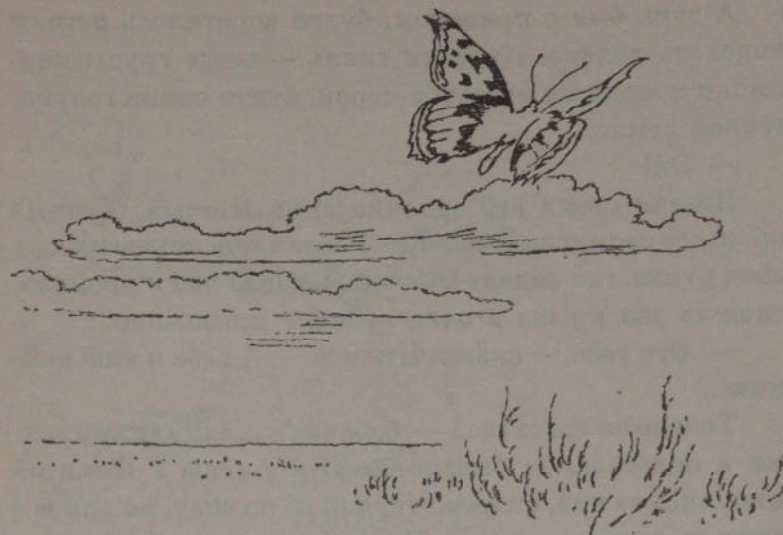
Рассказы о русской природе, её красоте и тайнах, её открытии. И открытие это доступно главному герою книги десятилетнему мальчику Алёше. Постижение природы даётся ему не всегда просто, но всегда делает его духовный мир богаче, тоньше, светлее.

События, описанные в рассказах, происходят в наши дни в Прикамье.

Р 4803010102—060
М101(03)87 333—87

P2

© Состав. Иллюстрация.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1987 г.

ПЕВУЧАЯ ГОРА

В сентябре школьники выбирали картошку из-под плуга.

Ходил по полю лёгкий трактор, и вслед за ним, за лемехами высыпалась крепкая, на удивление чистая, белая картошка.

Дети собирали её в груды, и была она как вымытая, оттого что земля сама осыпалась с неё и грязи нигде не было — дни стояли погожие.

Земля под руками Алёши была пуховой и тёплой. Но чуть поглубже прошаривал он борозду, не осталась ли где картофелина, руки его чуяли сырой предзимний холод земли, и от этого было зябко.

А день был с прищём, будто воротилось лето, и виделось далеко. Куда ни глянь — везде груды картошки и люди на изголуба-серой, будто спина голубя, тёплой земле...

— Эй!

Позади стоял его одноклассник Никита. Тучные щёки его засмутило солнце. Глазами он показывал на свой рукав, где сидела бабочка. Сидела она и дремала, сложив два крыла в одно красное крылышко.

— Это тебе, — сказал Никита. — А себе я ещё поймаю...

Только он это сказал — бабочка взмахнула крыльями и полетела, да быстро-быстро. Алёша с Никитой кинулись за ней, скоро потеряли её из виду, но они всё бежали неведь куда, и Никита отстал.

— Эй! — кричал он. — Погоди-ии...

Алёша бежал и сам себе удивлялся, как долго и легко может он бежать. И даже когда бежать стало неважоту, он всё равно бежал и удивлялся, пока не добежал до высокого обрыва и не лёг отдышаться на краю его.

Теперь он тоже удивлялся, но с испугом, оттого что никак не может отдышаться и сердце колотится, аж всё прыгает перед глазами.

— Всё, что ли? — спросил он неизвестно кого, может, своё колотящееся сердце, и забыл обо всём на свете.

Отсюда, с обрыва, широко открывалась земля — зелёная, в озёрах, больших и малых. Птицы летали ниже его, и Алёша подумал, что он падает с немислимой высоты, вцепился в траву, закрыл глаза и услышал совсем близко протяжный гул.

Гул походил и на то, как зимой на кордоне ветер пробует петь в трубе, и на то, как весной трогаются вершины сосен и, намолчавшись за зиму, гудят они согласно и светло.

«Алёша-ааа...» — слышались в этом гуле детские голоса. Будто собирались они спросить его о чём-то, а о чём — пока неизвестно.

Кто они? Что за подземное пение?

Алёша далеко высунулся над обрывом, под собой увидел светло-зелёный луг, лиловую дорогу и по обе стороны её большие белые камни — сначала он принял их за стадо коров. А по всему обрыву, по красной стене его он разглядел множество ласточкиных нор, и в них, как в глиняных горшках на заборе, пел ветер.

— Алёша-ааа...

Ласточки давно улетели на юг, гнёзда были пусты. Ветер усилился, и так печально запела Певучая гора, что Алёша хотел было уйти немедленно. Но ветер пошёл порывами, и песня получилась весёлая, отдалённо похожая на игру гармоники:

— А мы просо сеяли-сеяли,
Ой, дид-ладо, сеяли-сеяли!

— Эх, ты! — удивился Алёша.

Ему очень хотелось услышать ещё что-нибудь хорошее, и он подождал немного и пошёл к своим: как бы без него не уехали.

Долго пришлось ему идти, далеко убежал он на радостях, рассказать дома — так не поверят, как далеко...

Ребята были в сборе, сидели в машине, ждали только Алёшу. Учительница Светлана Николаевна сделала ему замечание:

— Нельзя так опаздывать, Веригин.

Никита надул губы:

— Я ему бабочек дарю, а он...

Алёше стало стыдно, и он молчал, ждал, чтобы его выругали как следует и уж больше не ругали.

Дома за ужином он рассказал всё, как было.

— Знаю я Певучую гору, — сказал отец. — Раньше на ней хороводы водили, песни пели, а она подпевала.

— Не всегда же она подпевала, — вставила слово мать, убирая посуду. — Не каждый день.

— А я разве говорю «всегда»? — уточнил отец. — Смотря с какой стороны дует ветер. Другой раз она неделями голоса не подаёт. А зимой она вообще молчит — спит под снегом.

Мать убрала со стола, сухо-насухо вытерла его, вымыла посуду и не присела, пока отец не позвал её:

— Посиди с нами, Александровна.

— Некогда.

И всё-таки села за стол — побеседовать перед сном, и по глазам её Алёша догадывался, что она что-то хочет рассказать.

— Старые люди говорили, — начала она, — отчего Певучая гора поёт жалобно...

— Она и весело умеет, — вспомнил Алёша.

— Она по-всякому умеет, — кивнула мать, — но много печалится. Отчего? Оттого что были у неё

дети — белые камни, да на луг скатились, убежали от неё в разные стороны. И Певучая гора тоскует по ним, по своим детям, и зовёт их обратно: «Зачем вы меня покинули?»

— Они недалеко от неё лежат, — сказал Алёша.

— Кто? — спросил отец.

— Да камни-то — дети Певучей горы! Лежат они в траве, большие, белые, а то и серые. Я подумал: коровы, — улыбался Алёша.

— Не коровы, а быки, — уточнил отец. — Такие камни быками зовут. — И улыбнулся: — Молока от них нет, а то бы их тоже коровами звали...

— Спать пора, — сказала мать, и когда погасили свет, а Алёша залез под одеяло, в темноте мать наклонилась над ним и зашептала, а от слов её на лице и ухе Алёши задрожал тёплый кружок дыхания: — Сынок, ты говоришь — они рядом с матерью, дети Певучей горы. Это тебе кажется близко, а ей кажется, что далеко... Рядышком, а не погладить их! Вот ты уйдёшь в школу, тебя долго нет, а я беспокоюсь. Ты чего смеёшься?

— Дышишь ты, а мне щекотно.

— Ааа... Ну спи. Только крепко спи.

— Как получится, — бормотал Алёша, засыпая.

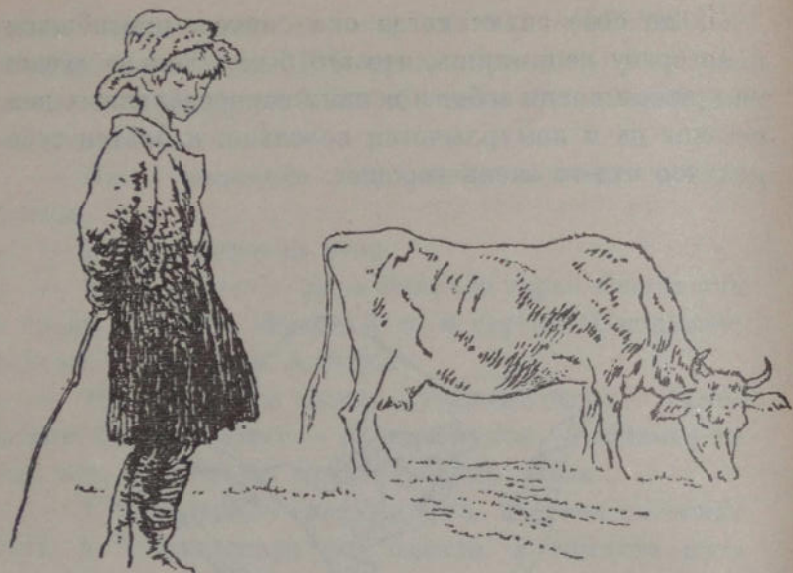
Снилось ему что-то очень хорошее, но что именно — неизвестно: проснулся и всё позабыл, а спросить не у кого.

Ни у матери, ни у отца, ни у учительницы. Никто не скажет, что за сон его навестил.

Может, это музыка была?

Я по себе знаю: когда она снится, проснёшься и не сразу вспомнишь, что это было. Только свежо на душе, и среди забот и всяких неперделанных дел нет-нет да и намурлычется невольно, напоётся тебе под нос что-то очень хорошее.

СУХАЯ ГРИВА

Алёша пригнал Добрыню пастись у половодья.

Настоящего половодья ещё нет, оно только обещается. Вода блестит между гривами, а закрыть их не смогла — время не подошло.

На гривах травка ранняя, самое молоко. Умыта она до жилочки, и после белой зимы не верится, что так зелено бывает.

Добрыня пасётся, кормится, где можно — переходит с гривы на гриву. Сколько она съест, столько и молока даст. А ей охота много его домой принести, вот она и жуёт с утра до ночи, подбирает лучшую травку.

Куда она — туда и Алёша.

Выбрели они на Сухую Гриву, на самое высокое место в лугах, и задержались тут на ветерке, на хорошей зелени.

А вода тем временем прибыла.

Погнал было Алёша Добрыню домой — кругом половодье. Вот она, соседняя грива, рядом. А как на неё перейти, если глубоко? Остался мальчик с коровой посреди большой воды на длинной Сухой Гриве.

Добрыня щиплет траву, а Алёше не до еды.

«Отец-мать меня хватятся, — думает он, — пойдут искать, кричать, я отвечу. Корм для Добрыни пока есть. У меня с собой полбуханки хлеба. В крайности подою Добрыню в шапку, молока напьюсь, с голода не помру».

Солнце село в половодье, но от воды долго было светло, а потом высыпали такие жгучие звёзды, да много! И всё небо от них заиндевело.

Добрыня лежит и жуёт в потёмках. Алёша лёг рядом, прижался к её тёплому боку.

Бум! Бу-уум! Бу-уум! — забухало ему в уши, в земле отдалось.

Это сердце у Добрыни стучит, доброе и до того спокойное, что Алёша заснул под его удары и проснулся под них же.

Проснулся — носом дышать нельзя: заложило.

Солнце в водополье купается. Суши меньше стало. А на ближнем конце её — шевеление. Два зайца обсыхают, ушами прядут.

«Муж и жена, — решил Алёша. — Рядком сидят».

Алёша подоил корову — полную шапку с краями надоил, хлебушко достал, досыта напился-наелся и стал ждать.

Днём при солнышке он поспал немножко. И опять гривы поубавилось. А на дальнем конце её — гостя. Лиса пожаловала! Тощая да линиялая. То одну лапу подождёт, то другую, смотрит жёлтыми глазами: что дальше-то будет?

А дальше вот что.

Подошла Добрыня к зайцам, долго глядела на них: кто, мол, вы такие, почему у нас в хозяйстве вас нет? Может, молоком вас попотчевать?

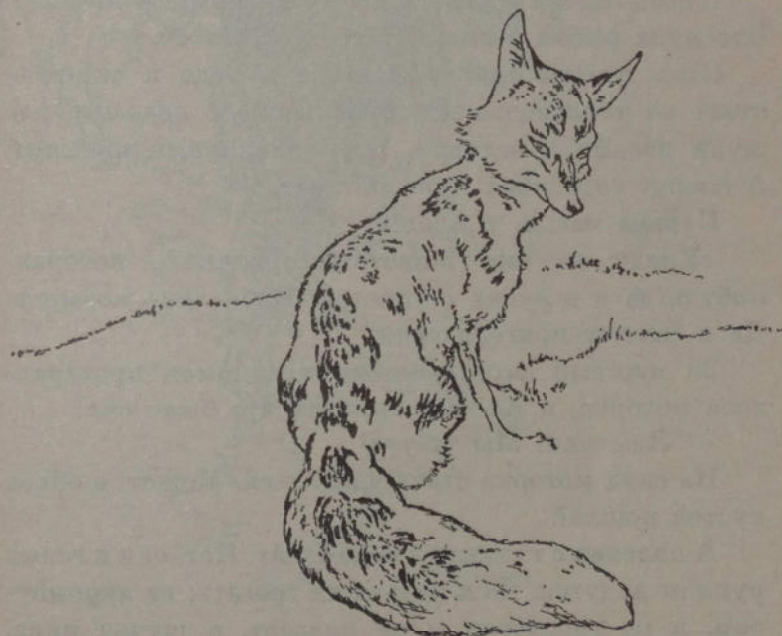
Зайцы шевелят ушами, на неё косятся, не знают, бояться им или нет.

И к лисе Добрыня подходила: «А ты кто, собака ты или не собака?» Та переминается с ноги на ногу. Что, мол, сейчас-то на меня смотреть, когда я без шубы? Ты на меня в шубе посмотри — ахнешь!

К вечеру Алёша громко покричал:

— Люди-ии! Мама-аа!.. Папа-аа!.. Мы ту-уут! Тут мы-ыы!

Зайцы, муж и жена, замерли. Лиса глазами проводила эхо от Алёшиного голоса до леса и обратно.

Добрыня перестала жевать, подошла и подышала на Алёшу.

А люди не отзывались на его крики.

Ночь выпала такая протяжная и студёная, и первый раз в жизни, за все свои девять лет в первый раз, мальчуган подумал:

«А солнце-то взойдёт ли?»

Солнце, конечно, взошло — светить и греть. Вода прибыла и потеснила население на Сухой Гриве.

Алёша ел-пил молоко с хлебом, и хлеба почти что не осталось. Добрыня и зайцы щипали траву. А лисе чем питаться? Носил ей Алёша шапку с молоком — не пьёт. Крутится на одном месте, и всё тут.

— Чем тебя кормить, привередница?

В обед Алёша порадовался — лиса рыбку поймала. Блеснула рыбка в лисьих зубах, и нет её.

Стал Алёша приглядываться к воде и видит — стоят на тепловодье два брёвнышка с глазами, две щуки носами к острову. Еле плавниками шевелят. А вокруг гороховая мука плавает.

Первая мысль у Алёши:

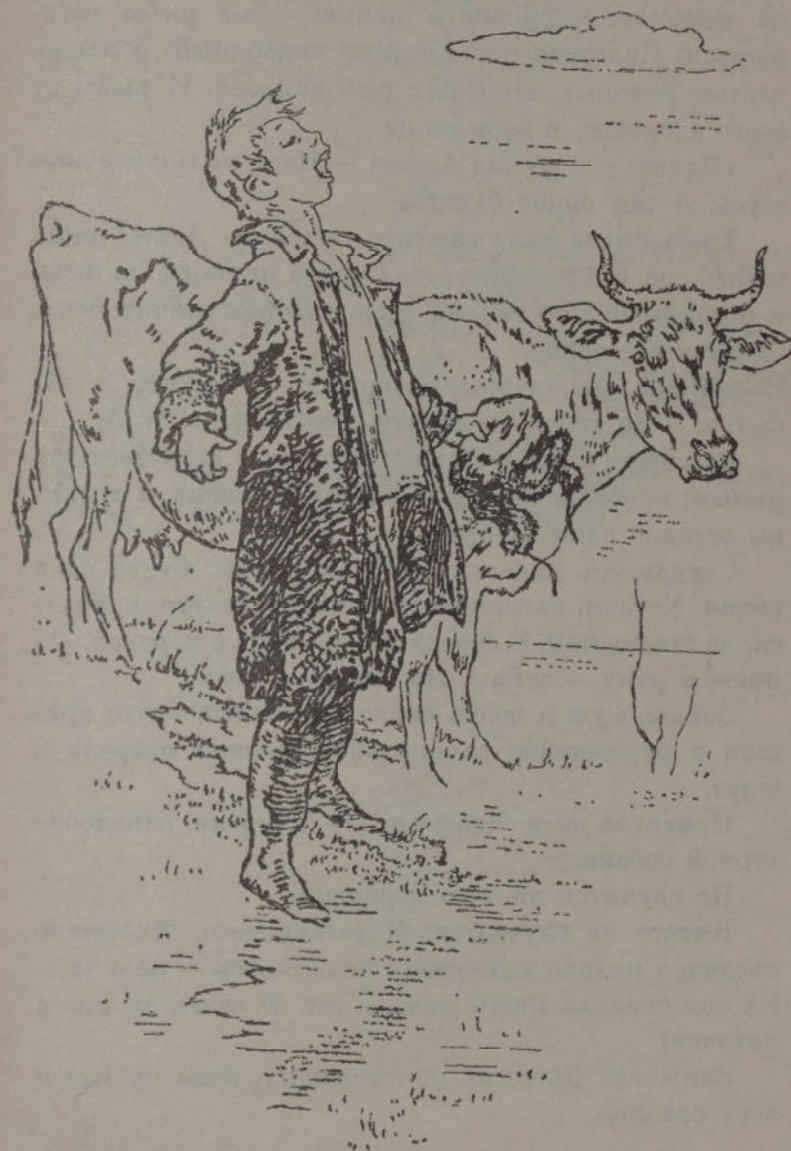
«Упаду на них животом, придавлю, которая-нибудь да и в руках останется. Надо лису кормить. Да и самому пригодятся».

За кустами затопленными невидимая протарахтела моторка, и Алёша закричал что было сил:

— Люди-ии! Мы ту-уут!

На слух моторка стала удаляться. Может, в обход кустов пошла?

А поленья с глазами в воде стоят. Нет, они в голые руки не дадутся. Да и нельзя их трогать: на икрёмёте они, и не гороховая мука плавает, а щучья икра,

щурята вылупятся из неё, как цыплята из яиц. Щуку на икромёте беспокоить нельзя — без рыбы останешься. Полезная она, санитар подводный: большей частью больных и слабых рыб убирает. И рыбы от этого здоровее, и вода чище.

«Ладно, — подумал Алёша. — Пока на молоке держусь. А там видно будет».

Третья ночь была тяжелее тяжёлого. Даже сквозь самый сон Алёша чувствовал, как у него озябли ноги, и прижимался то так, то эдак к Добрыниному боку, слышал её сердце.

«Живы мы, живы, — мерцало в голове, в забытии. — До тепла бы дожить, до тепла...»

Рассвело, и Алёша понял, почему у него ноги так озябли: прибыла вода, к подошвам подошла, и от гривы остался один бугорок.

Сгрудилось население Сухой Гривы, будто одна родня. Устали, натерпелись, и никто никого не боится, не стесняется. В середине — Алёша с коровой. По правую руку — зайцы. По левую — лиса.

Зайцы, муж и жена, сидят терпеливо, будто пришли в учреждение за справкой, заняли очередь и ждут.

Притихла лиса. Лежит около Добрыни, наподобие верной собаки.

Не случится ли чего хорошего?

Ничего не случается. И есть нечего. Хлебушко съеден, а молока у Добрыни не осталось — не с чего. Ей вон сколько травы надо, а где её взять на таком пятачке?

Замычала Добрыня по-голодному, всем кустам и лесу слышно.

Погодите, вроде мотор стрекочет? В обход кустов лодка с высоким носом сюда едет. А в лодке отец-мать!

Ткнулась лодка в бугорок. Отец-мать Алёшу обнимают и целуют, хлебушком его угощают. А он говорит:

— Вы Добрыне и другим дайте.

Дали они и Добрыне и другим. Добрыня хорошо ест, а другие не притрагиваются.

Мать плачет от радости, а отец говорит:

— Сынок, что же ты не сказал, куда корову погонишь? Мы тебя в бору искали. Нефтяники на вертолёте поднимались тебя смотреть, и я с ними. Сверху волков видели... Чего только не подумаешь!.. Вчера знакомые тут на моторке проезжали. Говорят, тебя не видели, но до Сухой Гривы не доехали. А мы вспомнили, что прошлый год ты Добрыню сюда же гонял, на Сухую Гриву...

— В прошлом году такого разлива не было, — всхлипнула мать, вытерла слёзы и сказала отцу: — Усаживай всех в лодку, да поехали. Алёшу горячим надо накормить.

Добрыню завели в лодку, и лодка сразу села на дно. Зайцы запрыгнули сами и уселись рядом на носу. А лиса не идёт. Отец хотел её в телогрейку завернуть, чтобы не искусала, да в лодку, но мать распорядилась:

— Поехали! Не хочет — не надо.

Вёслами, как шестами, отец с матерью столкнули лодку на глубину. Глянь, а лиса в лодке сидит!

— Когда же ты успела, безбилетница? — удивил-

ся отец, оглядел пассажиров и спросил: — Никого не забыли? Никого. Поехали!

Заработал мотор, и лодка на ровной скорости поплыла к лесу, к родному кордону.

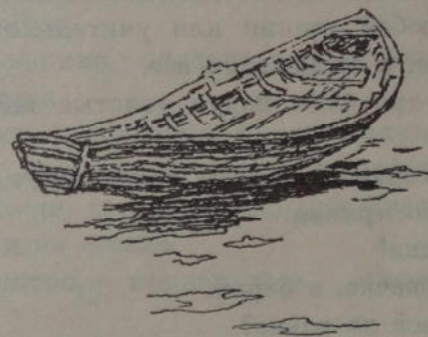
Рядом в воде текло отражение. Посредине — искрасна рыжая Добрыня. На носу — серые зайцы и лиса. А на корме — люди: два больших, один маленький.

У берега лиса на ходу спрыгнула и была такова.

А зайцы вышли вместе со всеми. Побегут-побегут, остановятся, оглянутся: ладно ли мы делаем — и опять побегут.

Дома за щами, после Алёшиного рассказа, семья в подробностях вспомнила поведение пассажиров. И Алёша насмешил всех, когда по-своему повернул отцовское слово:

— А лиса-то спрыгнула и — без оглядки. И спасибо не сказала, безбилетница!

ЗАГАДАЮ ЗАГАДКУ

В третьем классе загадывали загадки. Загадки мог загадать любой ученик или учительница Светлана Николаевна, а отгадывали все.

Никита-троечник надул толстые щёки и выпалил:

— По горам, по долам ходят шуба да кафтан!..

Класс воспрянул:

— Овечка!

— Не овечка, а баран.

— Не всё ли равно?

— Такие загадки в детсаду загадывают, а не в школе.

Никита-троечник покраснел и спросил:

— А какие в школе?..

Класс затих. В самом деле, какие?

Тут Алёша вспомнил хитрую отцову загадку и тихим-претихим голосом спросил:

— Какие часы дважды в сутки показывают точное время?

— Громче! — потребовал класс.

Алёша повторил громче.

На некоторое время класс задумался, а потом посыпались отгадки:

— Кремлёвские!

— Скажешь тоже: они всегда верное время показывают.

— Солнечные часы!

— Нет, не солнечные, а эти... Песочные!

— Почему песочные?

— Почему?..

Алёша терпел-терпел, не вытерпел и, ликуя, выкрикнул ответ:

— Те часы, которые стоят!

Класс замолк.

— Неостроумно, — подала тонкий голосок Людмила-отличница.

— Почему неостроумно? — удивилась Светлана Николаевна. Она стояла у окна и прислушивалась к каплям дождя, что наискось, едва касаясь, редко-редко падали на стекло.

— Непонятно, — поправилась Людмила-отличница.

— Это другое дело, — сказала учительница. — Неостроумно и непонятно — слова совершенно раз-

ные. Кто объяснит отгадку? Может быть, ты сам, Веригин? Только громче говори.

Алёша встал, вспомнил, как у них дома на кордоне остановились часы, отчего он проспал и опоздал в школу.

— У вас есть часы,— рассказывал Алёша.— Они остановились в седьмом часу утра...

— Почему в седьмом? — усомнился Никита-троечник.

На него зашумели:

— Никита, не перебивай!

— Допустим, в седьмом,— улыбнулась Алёше Светлана Николаевна, и он начал с самого начала:

— У вас есть часы. Они остановились, допустим, в седьмом часу утра. Два раза в сутки они будут показывать самое точное время — в седьмом часу утра и в седьмом часу вечера.

Класс недружно согласился:

— Как просто-оо...

— Утка в море, хвост на заборе,— завёл было новую загадку Никита-троечник, но на него опять зашикали:

— Никита, ты детские загадки не загадывай!

— Просили тебя... Не понял, что ли?

— Лучше помолчи!

А Светлана Николаевна, про которую все позабыли, смотрела в окно и, когда класс поутих, сказала невесело:

— Нет настоящего дождя. А надо бы... Как нужен сейчас полям хороший тёплый дождь. Как он нужен!

— И не будет его?.. — спросил Алёша в тишине.

— Не знаю,— негромко ответила Светлана Нико-

лаевна.— Собирается и всё никак не может собраться.— И тряхнула головой: — Хотите мою загадку?

— Хоти-иим!

— Когда в году столько дней, сколько у человека глаз?

— Как это? — недоумевал Никита-троечник.

Учительница терпеливо повторила:

— Когда в году столько дней, сколько у человека глаз?

— В феврале! — тут же выпалил Никита-троечник, но под расстроенным взглядом Светланы Николаевны потупился и поправился: — В сентябре... А может, и в марте...

Класс думал обстоятельно. Кто-то писал в тетрадь, кто-то переговаривался одними губами — по делу переговаривался, по отгадке советовался.

Встала Людмила-отличница и объявила:

— Светлана Николаевна, я отгадала вашу загадку. Первого января в году бывает один день. Второго января два дня. Столько, сколько у человека глаз.

Класс только охнул:

— Ну и Люда!

— У тебя не голова, а Дом Советов!

Похвалила её и Светлана Николаевна:

— Молодчина!

Она открыла окно и сказала:

— Совсем перестал дождик. Гремит по лесам, по оврагам, где и посевов-то нет, а на поля не заглядывает.

Ребята слушали учительницу молча. Из окна дышало земляной пылью, чуть окроплённой дождём.

— Пыль даже не прибило, — вздохнула учительница.

Никита-троечник пожаловался:

— А по радио обещали ливневые дожди. Так и говорили: в эти числа будет много дождей. Придумщики!

Его не перебивали, слушали.

— Грозный ты какой нынче, Никита, — улыбнулась учительница. — Никита-воин.

Все засмеялись, а учительница прибавила:

— День-то ещё не кончился.

Глаза у неё стали весёлыми, и она сказала:

— Загадываю вам самую трудную загадку. Летела стая гусей. Навстречу гусь. «Здравствуйте, сто гусей!» — «Здравствуй, гусь! Только нас не сто гусей». — «А сколько же вас?» — «Сколько нас? Столько. Да ещё раз столько. Да ещё полстолько. Да ещё четверть столько. Да ты, гусь, с нами. Вот тогда будет сто гусей». Гусь задумался, сколько же ему встретилось товарищей? Подумайте и вы.

Никита-троечник считал, загибая пальцы. Алёша старался в уме наугад найти отгадку, но дальний гром мешал ему думать. А Людмила-отличница не слышала ни грома, ни шорохов в классе, а быстро писала в тетрадь.

— Я решила! — сказала она. — Тридцать шесть гусей!

Очевидно, Людмила решила задачу-загадку про гусей путём уравнения. В самом деле, если число гусей принять за x , то можно составить следующее уравнение:

$$x + x + \frac{1}{2}x + \frac{1}{4}x + 1 = 100.$$

Решить это уравнение довольно просто. Приводим к общему знаменателю:

$$4x + 4x + 2x + x + 4 = 400.$$

Неизвестные в одну сторону, известные в другую: $11x = 400 - 4$.

Стало быть, $11x = 396$. Теперь остается 396 разделить на 11, и мы получаем искомое — 36. Тридцать шесть гусей встретились гусю-одиночке.

Если тебе это объяснение показалось непонятным, не огорчайся: у тебя всё впереди. Пройдёт немного времени, и решение этой задачи тебе покажется проще простого.

Класс зашелестел, вычисляя про себя, правда ли тридцать шесть гусей и ни на одного больше или меньше?

Никита-троечник тоскливо протянул:

— Опять правильно. Ты, Людка, эту загадку раньше зна-аала...

— Эту я не знала! — вспыхнула Людмила-отличница. — Я ту раньше знала. Когда в году столько дней, сколько у человека глаз.

И заплакала.

В классе стало тихо.

Тут и звонок прозвенел — последний урок кончился.

Ребята высыпали на улицу.

За ней сразу же открывалось поле.

Грохотало глухо по закраям неба, по синим лесам, и нет-нет да не в лад с громами вспыхивали белые молнии. А с полей тянуло горячим ветром сухой исстрадавшейся земли.

«Что это они? — думал Алёша про ливни-проливни. — Ходят вокруг да около, а на поля не пожалуют?»

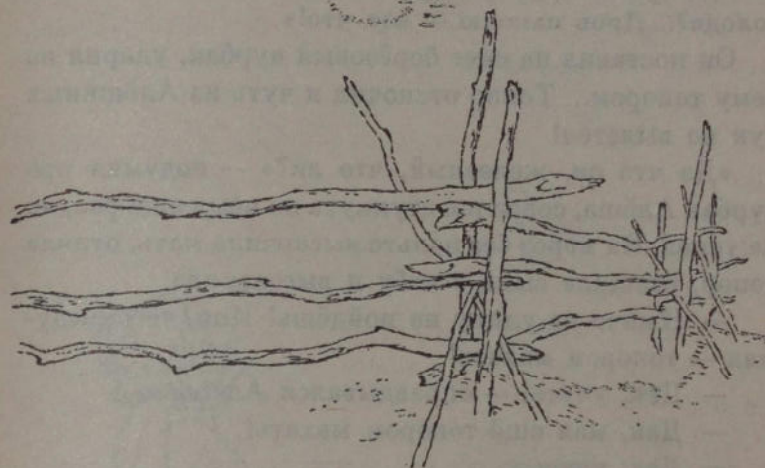
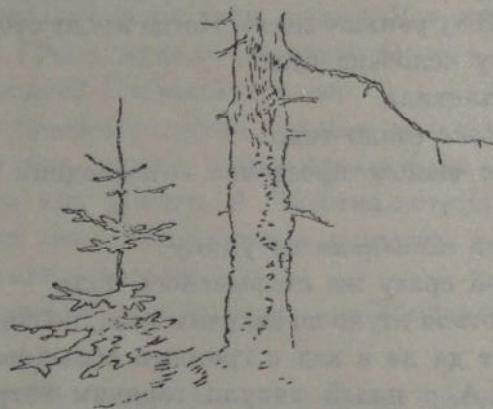
Будет дождь или нет?

Алёша украдкой посмотрел на Светлану Николаевну. Её лицо было как будто спокойным, только очень усталым. Алёша простился с ней и зашагал домой.

«Тоже они устают, учителя-то, — думал Алёша в пути. — С нашим братом устанешь! Она одна, а нас тридцать. Она два слова скажет, а мы шестьдесят. Какие нервы надо иметь! А тут ещё забота: дождя нет. Вот и усталость».

Так размышлял Алёша, шагая по мягкой дороге на кордон, навстречу лесу, над которым мигали молнии и перекачивались громы с подгромовниками.

И веяло из леса запоздалой свежестью.

СОЛНЦЕ С УШАМИ

В воскресенье вокруг солнца собрался туманный свет и двумя клиньями встал над ним.

— К холодам, — сказал отец. — Солнце с ушами.

— Куда ещё холодней-то! — подала голос мать. — На улице дышать нечем. Ты, Алёша, много не разгуливай, а не то нос отморозишь.

Алёша надел валенки, полушубок, шапку, рукавицы, вышел на волю, и дышать стало больно от мороза. Но домой мальчуган не спешил, он оттягивал то благостное время, когда из холода попадаешь в тепло, и там маковым цветом долго горит лицо.

«Чего бы придумать-то? — соображал Алёша. — Чего бы такое придумать, чтобы дольше побыть на холоде?... Дров наколю — вот что!»

Он поставил на снег берёзовый чурбак, ударил по нему топором... Топор отскочил и чуть из Алёшиных рук не вылетел!

«Да что он, железный, что ли?» — подумал про чурбак Алёша, собрался стукнуть по нему ещё раз, но не успел. На мороз без пальто выскочила мать, отняла топор, втащила сына в избу и выговорила:

— Нынче на улицу не пойдёшь! Ишь чего выдумал — топором махать!

— Дак, учусь! — оправдывался Алёша.

— Дак, мал ещё топором махать!

— Дак, учусь...

С маминой помощью Алёша растёгивал полушубок. И было у него хорошее предчувствие: сегодня вся семья будет дома сидеть, и отец расскажет интересное. Когда солнце с ушами, так всегда бывает.

— На печку-то полезешь? — спросил отец.

— Да не знаю ещё, — ответил Алёша и попросил жалобным голосом: — Про дедушку Алексея рассказывал бы!

— Сказки он любил — дедушка Алексей, — почему-то застенчиво напомнил отец. — Большинство сказок я позабыл. Вот эту помню...

Он начал рассказывать сказку несмело, словно бы стесняясь своего голоса, сперва без выражения, а потом с выражением:

— Жили-были муж с женой. А у них было только скотинки: петух да курочка. Жена говорит:

«Давай делиться».

«Зачем делиться-то? — дивится муж. — Вместе-то лучше продержимся, крепче».

«Раз я сказала: «Давай!» — значит, давай делиться. Мне — курочка. А тебе — петух».

«Не продешевишь ли, жена?»

«Как же я продешевлю-то? Твой петух яиц не несёт. А моя курочка через день по яичку».

Разделились они. Жена курочку от себя не отпускает, кормит её и ест яичницу. А что муж ест, этого я не знаю. Отпустил он петуха погулять. Петух улетел к царю во дворец. А у царя свадьба была, балы давали. Петух сел на дворцовую крышу, на конёк, и запел:

— Кукареку!

У царя-царя нет красных штанов.

А у меня есть!

«Слуги! — распорядился царь. — Поймайте этого петуха и посадите в колодец».

Слуги поймали петуха, посадили в колодец. А сверху накрыли крышкой. Петух выпил в колодце всю воду, выбил крышку, сел на конёк и опять кричит:

— Кукареку!

У царя-царя нет красных штанов.

А у меня есть!

«Слуги! Поймайте насмехальщика! Посадите в баню да баню-то зажгите! — разгневался царь. — Он сгорит в бане-то».

Слуги поймали петуха, заперли в бане, а баню

подожгли. В петухе-то воды — весь колодец! Он пожар залил, сел на конёк и опять:

— Кукареку!

У царя-царя нет красных штанов.

А у меня есть!

«Слуги! В амбар его! В сусек! В серебро! — раскипятился царь. — Да поживее! Что вы как варёные? Царь я вам или кто?»

Слуги словили петуха, отнесли его в дубовый амбар, сунули в сусек с серебром, заперли на замок и доложили царю:

«Батюшка ты наш! На три замка замкнули издателя. Крышка ему».

«Вот это другое дело», — похвалил царь.

А петух склевал серебро, прилетел домой и кричит:

— Хозяин, хозяин!

Стели красного сукна:

Денег тащу!

Хозяин обрадовался, занял у богатых соседей красного сукна, постелил на пол. А петух летает по избе, деньги сыплет — только звон стоит. Так целый ворох и насыпал.

Хозяйка давай ругать курицу:

«У мужа какое богатство петух-то принёс! А ты мне ничего».

Курица улетела на поля, поклевала зерна. А для

неё зерно всё равно что деньги. Прилетела домой и кричит:

— Хозяйка, хозяйка!
Стели красного сукна:
Денег ташшу!

Хозяйка обрадовалась, заняла у богатых соседей красного сукна. Курица летает по избе и на красное сукно зёрнышки сыплет.

«Разве это деньги? — заплакала хозяйка. — Бестолковая ты».

И хотела побить курицу, а то и суп из неё сварить. Да муж отговорил:

«Не серчай, жена! Помнишь, я тебе говорил: «Зачем делиться-то?»

«Говорил, не отпираюсь...»

«Вон петух сколько добра принёс. Розно-то зачем жить?»

«Ты теперь меня, чай, не примешь?»

«Приму».

С тех пор они стали жить дружно, и никто, ни один человек не слышал, чтобы шум там какой был, или крик, или посуда билась...

— Это ты к чему? — насторожилась Алёшина мать.

Но отец не заметил её вопроса и заключил:

— Вот какую сказку любил дедушка Алексей. По нему тебя называли, сынок... Много он знал сказок, да вот на войне его убили. Сейчас никто столько сказок не помнит.

— Никто?! — охнул Алёша.

— Никто, — в два голоса подтвердили отец и мать.

Окна в избе цвели ледяными петухами, рыбами, папоротниками, и лёгкий свет их лежал на лицах отца, матери и Алёши, будто они все трое живут не в яви, а в небыли, заодно с этим царством на стёклах. Алёша слышал, как у него всё ещё пылают щёки, а тело под одеждой горит, согревается и никак не может согреться.

И думал Алёша:

«Какой он — дедушка Алексей? Весёлый он был и храбрый. У дедушки медаль была. Я его не видел и никогда не увижу. А сказку его я наизусть знаю и всё равно смеюсь в самых смешных местах, когда отец рассказывает».

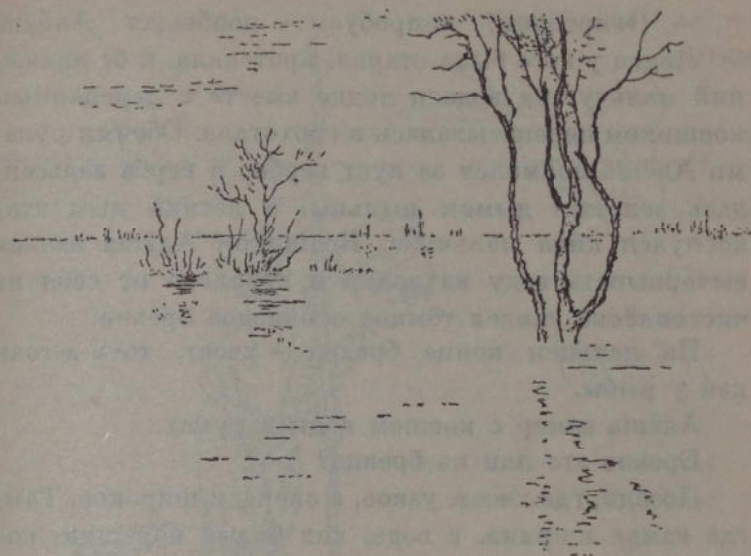
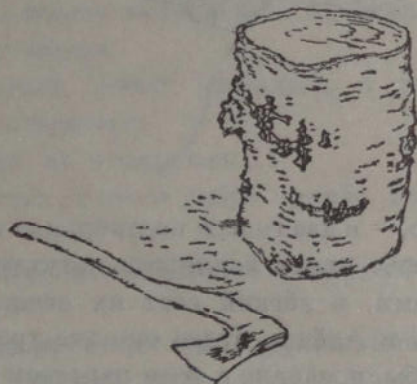
— Сказка — складка. Песня — быль, — сказала мать.

— Спеть хочешь? — спросил отец.

— Как-нибудь спою, — отозвалась мать.

Отец принёс с морозу берёзовых дров, затопил печь и пообещал:

— Если вспомню, ещё какую-нибудь дедушкину сказку расскажу... Всё равно сегодня никуда не пойдём. Солнце-то с ушами. Морозище!..

ОБИДЕЛСЯ

Земля зазеленела по берегам реки, и на эту полугую зелёную землю пришло половодье и затопило её.

Теперь травы зелено светились в воде, как водоросли, и сюда из глубины приходили кормиться рыбы.

Толкаясь длинным шестом, Алёша плыл на лодке. Кругом — одна громче другой! — кричали лягушки. Делали они это не просто так, лишь бы перекричать друг дружку. Каждая выводила свою песню и не забывала про песни соседок, и голоса складывались в весёлый лад:

«Зиму перезимовали! Вода потеплела! А поём-то мы как хорошо! Никому так не спеть. Если можете — попробуйте...»

— Попробуем, попробуем,— пообещал Алёша.

Лодка у него была старая, протекала, и от движений мальчугана вода в лодке вместе с деревянным ковшиком перекачивалась и грохотала. Обеими руками Алёша поймался за куст вербы, и верба задымилась золотым дымом пыльцы, и лёгкий дым этот коснулся лица мальчика. Ковшиком Алёша взялся вычерпывать воду из лодки и недалеко от себя на чистоплёске увидел тёмное осклизлое бревно.

На дальнем конце бревна — хвост, точь-в-точь как у рыбы.

Алёша замер с ковшом воды в руках.

Бревно это или не бревно?

Позади, где хвост, узкое, а спереди широкое. Там, где самая ширина, в воде, как белые корешки, колеблются усы. А по бокам — плавники, прозрачные и ребристые.

Сом!

Живой? Едва ли.

Живой давным-давно испугался бы Алёшиной лодки. А этот — не пошевелится. Жалко сома, да что делать?

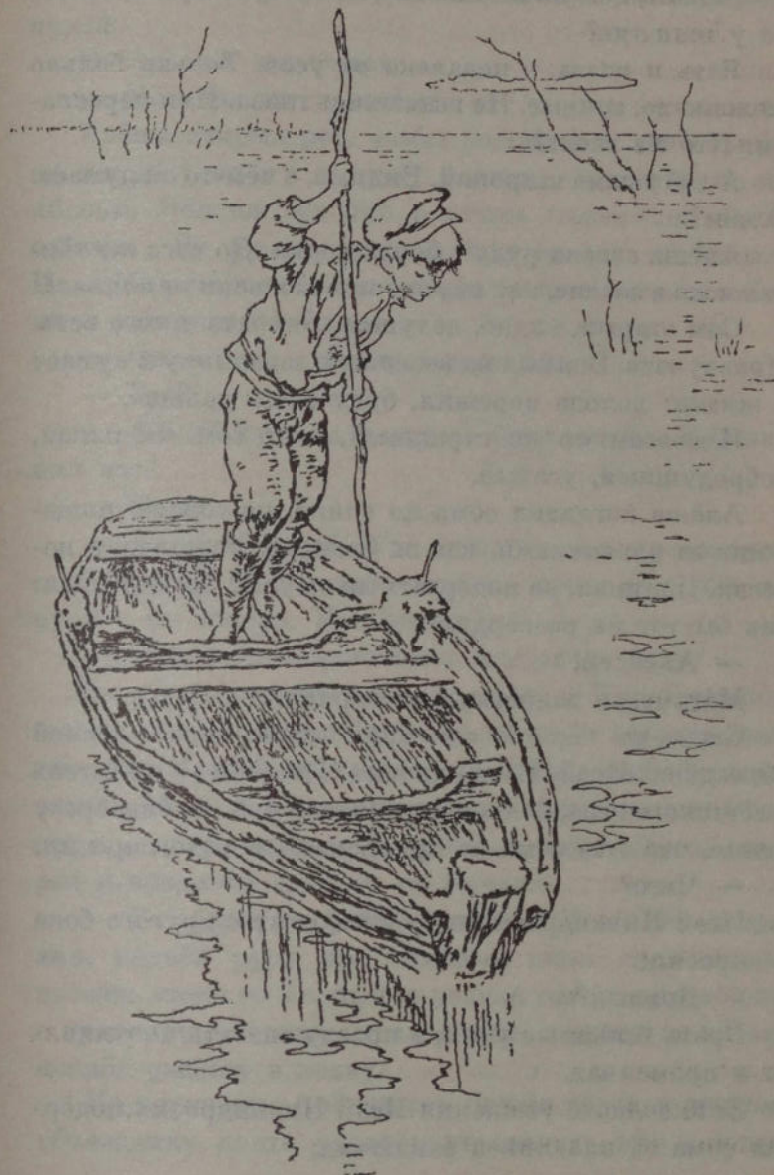
Ничего.

Алёша вычерпал всю воду из лодки, заскрёб дно досуха, зачистил, как тарелку ложкой, и обнаружил, что плавники у сома колышутся.

Живой! Живёхонек!

Чего он тогда не уплывает?

Тише тихого Алёша подплыл к сому, положил шест вдоль лодки, затажно вздохнул, голой рукой дотронулся до спины сома, тотчас отдернул руку — рыбина не шелохнулась.

— Может, сом ничего не видит, не чувствует? Глазато у него где?

— Есть и глаза — недалеко от усов. Только больно маленькие, сонные. Не выспались глаза. Или переспали. Кто их знает?

— А лоб у сома широкий. Видимо, о чём-то он думает. О чём?

— Алёша свесил руку с борта лодки. До чего же тёплая вода в затопе, как парное молоко, если не теплее!..

— Сом старый, видно, дедушка. Внучата у него есть. Правнучата. Всплыл на весеннюю завалинку и думает о жизни: холода пережил, буду жить дальше.

— И совсем он не страшный, этот сом. Большой, добродушный, усатый.

— Алёша погладил сома по спине, по голове, пощекотал за плавниками, как за ушами у коровушки почесал. Подумал, не подёргать ли за усы? Да побоялся: как бы тот не рассердился...

— Алексей!

— Мальчуган вздрогнул от окрика.

— Сюда на чёрной смолёной лодке плыл лесной объездчик Исай Никандрович Головин — приятель Алёшиного отца, большой любитель ухи. Алёша сразу понял, что этот сома не приласкает, и тихо спросил:

— Чего?..

— Исай Никандрович подгрёб к сому с другого бока и спросил:

— Дохлый?

— Врать Алёша не умел, а правду сказать не решился и промолчал.

— Безо всякого уважения Исай Никандрович подёргал сома за плавник и заключил:

— Дохлый. Лёд нынче толстый был. Сом и задохнулся.

— И спросил, закуривая:

— Чего ты тут делаешь?

— Алёша открыл рот, чтобы рассказать, что плывёт он по делу на ту сторону залива — посмотреть на яблони. Яблони эти они с отцом сажали прошлой осенью... Но ничего этого Алёша сказать не успел. Исай Никандрович закусил папиросу жёлтыми зубами и шёпотом сообщил:

— Он — бес! — хвостом шевелит.

— Где?..

— А вон! Руль-то у него — будь здоров. Видишь или нет?

— Вижу...

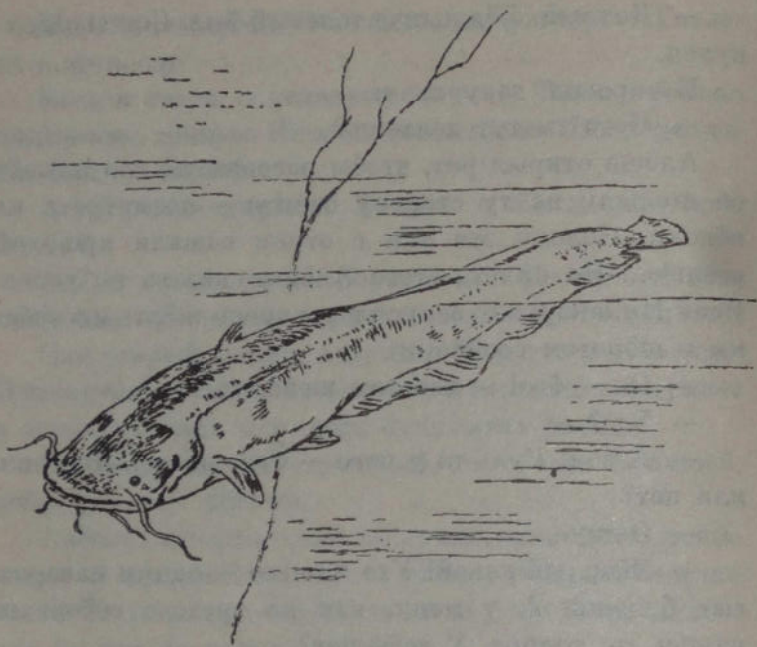
— Жирный какой! Уха из него — одним наваром сыт будешь. А у меня, как на грех, с собой ни ружья, ни топора. У тебя нет?

— Откуда?.. — прошептал Алёша.

— Ему было страсть как жалко сома. Человеческого языка он не понимает и, конечно же, в толк не возьмёт, что Исай Никандрович надумал с ним расправиться. Сому хорошо, оттого что солнышко, что люди кругом, дотрагиваются до него, гладят, о чём-то говорят и вроде бы зла ему не желают.

— Эх, была не была! — сказал Исай Никандрович, подвёл руку под сомовью шею, если можно назвать шеей то место, где усатая голова переходила в туловище, обхватил, как обнял, и мягко и сильно повлёк рыбину в лодку.

— На удивление Алёши, сом пошёл легко, и лесному объездчику почти удалось перевалить его в лодку.

В последний момент сом открыл широкую, розовую, унизанную зубами пасть, и Алёше стало страшно. До чего же вместительна эта пасть — врагу не пожелаю побывать в ней! А до этого и пасти-то никакой не было. Пряталась она где-то под усами.

— Э!.. Ээ!.. Эээ!.. — перепугался Исай Никандрович и выпустил сома. Тот окатил людей брызгами и погрузился в воду.

Но тут же всплыл и принялся задумчиво перебирать плавниками, словно между ним и человеком ничего такого не было.

— Бес, а? — помотал головой Исай Никандрович, стряхивая брызги. — Как он пасть разинул, так у меня руки отнялись. Считай, Алексей, что он мой был. На-

половину у меня в лодке. Тяжёлый, конечно. Однако не в том дело, что тяжёлый, а в том, что зубов много. Бес, а? Как ты думаешь, Алексей, дело это или нет?

А сом постоял на месте и вдруг развернулся в могучем всплеске, так что лодки развело в разные стороны, и затонул.

Исай Никандрович подождал, не всплывёт ли сом, снял стёганку и, выжимая её, жаловался:

— Беда ведь, Алексей, а? Подождём, может, он опять покажется.

Алёша набрался храбрости и громко сказал:

— Не покажется он!

— Это почему же? — насторожился Исай Никандрович. — Должен.

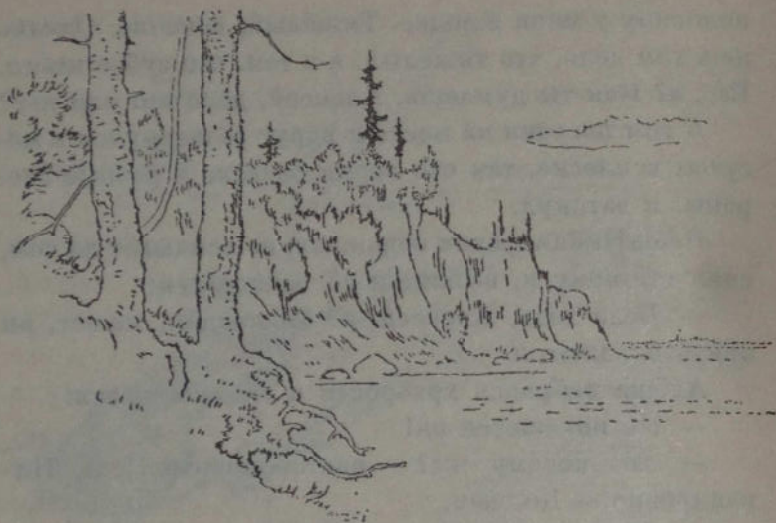
— Обиделся он...

— «Обиделся»! — ворчал Исай Никандрович, натягивая стёганку. — Обидно ему. А мне — человеку — не обидно мокрому сидеть? Сому обидно, а мне не обидно. Да мне, может быть, в тысячу раз обиднее!

Дымились вербы. На мели плавилась некрупная рыба. Над водой затевался пар или туман. И согласно кричали лягушки:

«Зиму перезимовали! Вода потеплела! А поём-то мы как хорошо! Никому так не спеть. Если можете — попробуйте...»

ПАРУС

Алёша не хотел ехать в пионерский лагерь.

— Не посылайте меня,— просил он родителей.—
Не поеду я.

— Почему? — спрашивали родители.— Почему
всё-таки?

— Неохота.

— А почему неохота?

— Не поеду я!

— А туда ехать-то не надо,— говорила мать.—
Пешком можно дойти: лагерь-то рядом — в Танаев-
ском бору.

— Чего вы меня прогоняете? — спросил Алёша
и задыхал часто-часто.

— Да никто тебя не прогоняет. Никто! — Мать,
как маленького, взяла его на руки и удивилась: —
Тяжёлый какой!

Отец, где на автобусе, а где и пешком, проводил
Алёшу до самого лагеря — к дощатым домикам на
поляне, где гудели ребячьи голоса.

— Дальше-то не провожай,— застеснялся Алёша
и побежал по поляне, налитой, как чаша с краями,
по вершины деревьев золотым воздухом.

В столовой мальчугану ударили в лицо горячие
запахи. Место ему досталось рядом с Людмилой и
Никитой. И не успел Алёша отдышаться, как ему при-
несли суп, и его Алёша съел немедленно и тарелку
зачистил. А потом подали компот и котлету, от кото-
рой шёл пар. Тут бы с устатку съесть эту котлету безо
всяких хитростей, да Людмила распорядилась:

— Веригин, ты вилку держи не в правой руке,
а в левой.

— Так несподручно! — оправдывался Алёша.—
Кабы я левша был. А я — правша... Научусь...

— Когда? — спрашивала Людмила.

— С годами,— шуткой отвечал Алёша и, не вы-
держивая строгого взгляда девочки, обещал: — Нын-
че научусь.

После обеда дети пошли купаться. Внизу, между
соснами, от которых жарко пахло смолой, искрилась
Кама. По тропинке, оскальзываясь на глянцевых
сосновых корнях, дети спустились к реке.

— Купаться-то нельзя — рука не терпит,— пожа-
ловался Никита.— До того холодная вода в Каме! Не
верите — потрогайте воду. Перед этим холода были,
и надо до-ооолго ждать, пока Кама нагреется...

— На лодочке бы прокатиться, — сказала Людмила.

— А вон она — лодочка-то! — обрадовался Никита и привёл друзей к лодке с мачтой и без вёсел. На дне её в дождевой воде плавал ковшик из берёсты.

Берестяным ковшиком дети по очереди вычерпывали воду, а она всё не кончалась, будто в днище бил родник.

Алёша нет-нет да и взглядывал на тот луговой берег. Там золотились пески. Выше краснела глина. А ещё выше зеленели тальники. Над ними, охваченные ветром, как огнём, белели серебристые ивы. Если попасть на ту сторону и пойти напрямик через луга — близко Большой бор и кордон, где отец с матерью.

— Всё! — объявил Никита и бросил ковшик на звонкое дно лодки.

Ковшик подпрыгнул.

А Никита выворотил из песка доску, ополоснул её в Каме и, улыбаясь всем широким, счастливейшим, распаренным лицом, показал доску девочке:

— Это — вместо весла! Люда, проходи на корму. Погоди, я лодку толкну...

От усилий Никиты, гремя железом, лодка сползла в Каму, дала течению увлечь себя и остановилась, вздрагивая на цепи, как большая сильная рыба на кукане. Она порывалась сплыть вниз по Каме-реке, но цепь, привязанная к колу, не пускала её и гремела.

Наверху протрубил горн — сперва хрипло, словно петух спросонок, а потом чисто и протяжно, и бор откликнулся эхом.

— Людям покататься не дают, — пожаловался

Никита. — Полдничать зовут. Что мы — есть сюда приехали?

И первый полез в гору к лагерю.

После полдника дети отдыхали, играли в волейбол и в футбол, кто во что может... Ужинали...

Над поляной проступили звёзды.

Алёша пришёл к обрыву и увидел, как внизу качается чёрная лодка с мачтой. Через всю Каму от этой горы лиловая тень доставала до того берега, до лугов, повитых туманом, и там дрожал синий огонёк.

«Рыбаки костёр жгут, — подумал Алёша. — Не отец ли пришёл на рыбалку?»

И вздрогнул, оттого что Никита, подкравшись, стукнул его по спине и спросил в самое ухо:

— Не слышал, как мы с Людой подошли? А мы шли — не таились.

— Он у нас задумчивый, — сказала про Алёшу Людмила. — Задумается и ничего не слышит. — И встрепенулась: — На том берегу — синий огонь!

— Почему-то синий, — зевая, подтвердил Никита. — Спать охота. А вам нет?

Ночью Алёша лежал под одеялом на твёрдых, словно засахаренных, накрахмаленных простынях и слышал, как на соседней кровати по-взрослому храпит Никита. А над домиком по вершинам сосен катится ветер. У обрыва срывался с них, летел через всю Каму туда, где отец с матерью...

— Никита, — шёпотом попросил Алёша. — Не храпи...

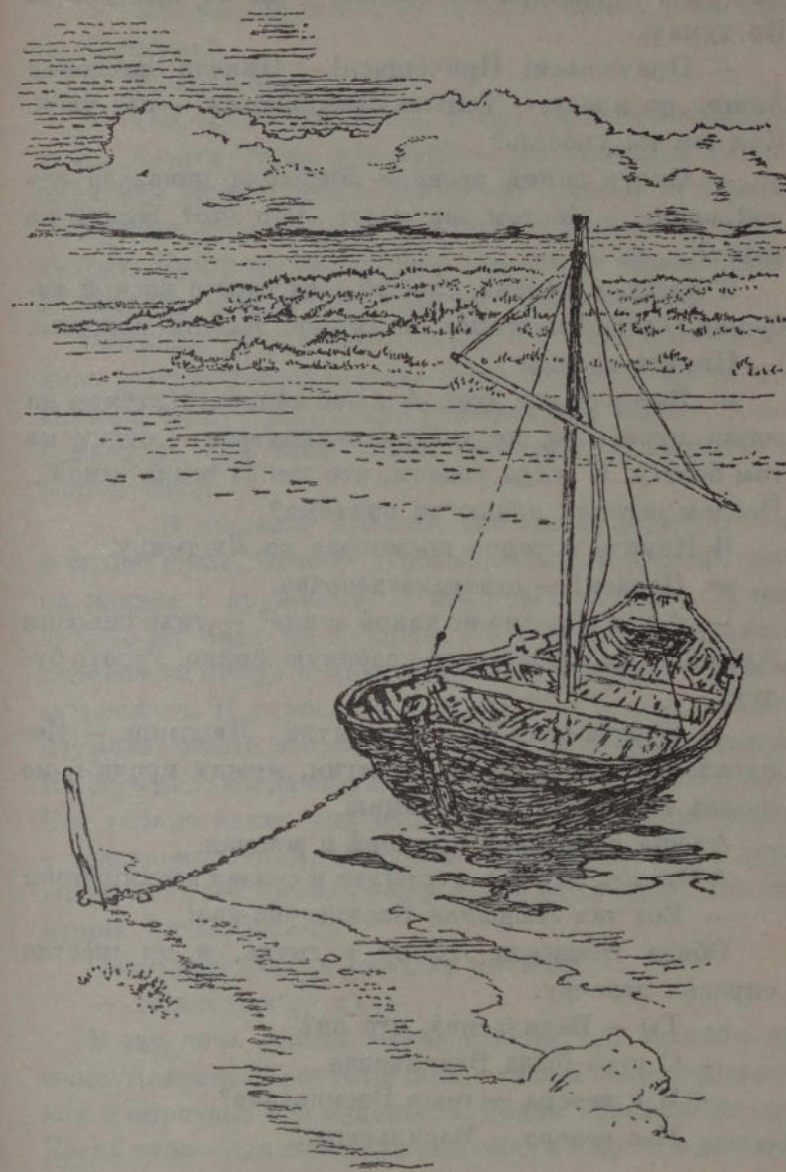
Тот не проснулся, но ненадолго поутих. А потом захрапел громче прежнего.

И Алёша не заметил, когда уснул. Он проснулся

от крика горластого петуха, не вдруг сообразил, что это горнист собирает лагерь на зарядку — на росяную поляну, и быстрее быстрого стал одеваться.

Ближе к вечеру мальчуган один спустился к Каме и сел в стороне от лодки, что колыхалась на цепи. По всей Каме закипали бурые волны с белыми гребнями, наливались чернотой, уходили к тому берегу и высоко выкатывались на золотые пески. И опять Алёшу нашли Людмила и Никита.

— Ты чего от нас прячешься? — весело спросила девочка.

— Я? — растерялся Алёша. — Да не прячусь я. Не думаю.

— Прячешься! Прячешься! — Никита похлопал Алёшу по плечу. — Только отвернёшься — нет тебя. Как это ты умеешь?

— Опять синий огонь, — Людмила показала рукой вдаль. — На том же месте. Что это? Никто не знает?

В лугах, в тумане, слабый, как свет в лесной избушке, светился огонёк, и сердце Алёши сжалось.

Никита сказал:

— Ветер от нас дует. А у нас лодка... Натянем на мачту простыню, не успеем оглянуться — будем на том берегу. И тогда узнаем, что это за огонь такой... Поедем сегодня ночью до подъёма?

И Никита победно посмотрел на Людмилу.

— Поедем! — ответила девочка.

— А как обратно по такой волне? — тихо спросил Алёша. — Да и простыню казённую жалко. Ругать будут...

— Испуга-аался, — протянула Людмила. — Испугался! Я бы с тобой, Веригин, между прочим, не пошла в трудную экспедицию.

Алёша покраснел до ушей и молчал.

А Никита почесал в затылке и сказал восхищённо:

— Вот так Людмила Васильевна-ааа!

Обида толкнула Алёшу в грудь, и он жёстко спросил девочку:

— Ты — Васильевна, что ли?

— С утра была Васильевна...

— И с вечера — тоже Васильевна?

— И с вечера — Васильевна...

— Так вот, Васильевна, и ты, Никита... Как тебя по батюшке?

— Анатолевич...

— Так вот, Васильевна, и ты, Никита Анатолевич... Нынче, чуть рассветёт — до солнышка, — собираемся здесь у лодки. Вы ничего с собой не берите. Простыню я свою принесу. Одной простыни на парус хватит. Приедем, посмотрим, что это за синий огонь. К подъёму обернёмся — доской будем грести...

Алёшино сердце колотилось, и толчки его отдавались в голосе мальчугана. Дети слушали не то что внимательно — испуганно внимали они Алёше. А он, удивляясь сам себе, своей властной говорливости, рассказывал:

— ...В прежние времена там была церковь. Она в землю ушла. Отчего? Проезжал Ермак Тимофеевич на лодках с дружиной. И вёз драгоценности. И ничего-то он Кама не подарил. Не догадался. Золотого колечка не кинул в Каму. Кама всколыбалася. Земля затряслась. И церковь в землю ушла. У озера Сорокоумово. Место это затянуло травой. Бугор остался. Но есть дни, когда светится из-под бугра синий огонь. Вот только какие дни-то?... А Кама потопила лодку с драгоценностями. Получила своё и утихла. А дружину и самого Ермака не тронула: «Поезжай дальше, Ермак Тимофеевич!»

Очень осторожно девочка похвалила:

— Красивый рассказ.

В эту ночь Алёша лежал одетый под одеялом на голом матрасе. Простыня была заранее свёрнута свитком и спрятана под подушкой. Рядом храпел Никита. Когда туда-сюда заходили сквозняки и щели в домике

стали различимы, Алёша кулаком ткнул Никиту под бок:

— Пора.

— А?! — рывкнул тот.

Обитатели домика зашевелились. Кто-то попросил:

— Выключите там приёмник... Пожалуйста...

Ребята дождались, когда домик затихнет, выскользнули на поляну и попали в плотный, дышать трудно, туман.

По тропинке, оббивая босые ноги о корни, дети долго спускались к Каме.

— Не проспали мы? — сопел Никита. — Проспали, да ещё как! Люда, поди, заждалась нас.

Почуяв беглецов, взахлёб лаяла собака.

— Откуда она взялась? — сопел Никита. — У нас в лагере ни одной собаки нет. Собираются завести, да никак не соберутся.

Лодку ребята нашли не сразу.

Туман у Камы был ещё гуще, чем в лесу, и только по бряканью цепи дети догадались, что лодка здесь.

— Вот она... лодочка-то! Прошли мы её... А она вот где, родимая! — У Никиты зуб на зуб не попадал от холода, и он, босой и грузный, пританцовывал на галечнике и тянул: — Вот она-ааа...

И встревожился Никита:

— Люды-то нет! Ждать будем или как?

Алёша пробрался в зыбкую мокрую лодку, вынул из-за пазухи тёплый, пахнущий крахмалом свиток, встряхнул его... Невесть откуда хлынувший ветер, которого, казалось, и в помине не могло быть при таком тумане, вырвал из рук Алёши свиток и, расправляя

в полотнище, прилепил к мачте — к перекладине. И полотнище, помимо усилий мальчугана, само по себе, широко развернулось и забилося, загрохотало, заиграло белым нежнейшим светом среди серого тумана распятие на крестовине мачты.

Оно с краями наполнилось тугим весёлым ветром!

Лодку развернуло и с силой повлекло на тот берег.

Но цепь, к которой она была привязана, натянулась во всю длину, и лодку отбросило к этому берегу. Алёша стукнулся о скамейку, упал, поднялся и сквозь боль крикнул:

— Никита-ааа... Цепь отвязыва-ааай... Це... еееп... Ааа...

И голос его, несильный от природы, потонул в грохоте белого паруса.

Но другой голос, взрослый и заспанный, раздался из тумана и перекрыл все остальные звуки:

— Куда это вы, ребята?

Это спрашивал старший пионервожатый Виталий Латыпов. Большой, плечистый, в спортивном костюме и стёганке, он вытянул лодку с Алёшей далеко на берег, сдёрнул с перекладины простыню, проверил, цела ли она, не порвало ли её ветром, и, убедившись, что цела, сложил пакетом.

И спросил ребят:

— Кто из вас больше озяб?

Виталий снял с себя стёганку и накинул её на Никиту.

— Пошли досыпать, ребятки, — сказал вожатый. — До подъёма ещё часа четыре...

Пока поднимались по тропинке, по сосновым корням, он шёл позади ребят, чтобы они не потерялись, и говорил:

— Вас огонь интересует на том берегу, я слышал...

— От кого? — удивился Никита.

— От Людмилы? — вырвалось у Алёши.

— Ребята, вы её сильно не осуждайте. Простите её! Она мне вчера вечером сказала: «Виталий Иванович! Веригин Алёша и Трапезников Никита собрались ехать на тот берег огонь посмотреть». — «Какой огонь?» — «Синий. У них простыня вместо паруса. Вон какой ветер! Утонут они. Я сама хотела с ними ехать, да боюсь. Отговорить их не сумею. Не послушают они меня, скажут: «Больше всех храбрилась и струсилась!..» Отговорите вы их!» Вчера вечером я с вами поговорить не успел: вы спать легли. И я лёг. Сплю я чутко и слышу: поднялись ребятки. Дай, думаю, взгляну, куда это они? Как-никак я за вашу жизнь отвечаю...

Перед дверью домика Виталий Иванович отдал Алёше простыню, взял у Никиты стёганку, передёрнул плечами и сказал:

— А огонь на том берегу мы все вместе посмотрим. У меня к этой лодке и мотор есть, и вёсла. Вот только погода наладится, я вас свожу, когда захотите. Я так думаю: там буровики газ нашли, и он горит и день, и ночь.

— Газ жёлтым огнём горит, — напомнил Никита. — А это — синий огонь.

Виталий Иванович согласился:

— Правильно, синий...

Уснуть ребята не смогли. Никита ворочался с боку на бок и ворчал:

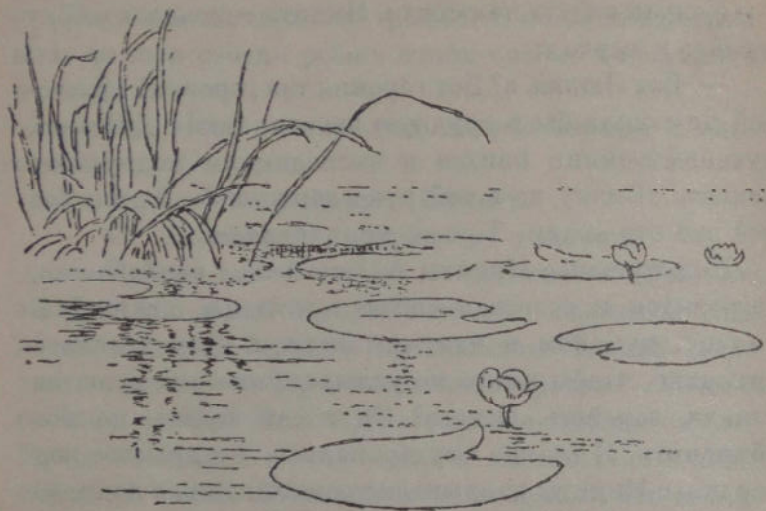
— Вот Людка, а? Вот героиня так героиня! «Я с тобой не пошла бы в трудную экспедицию!» Да таких путешественниц близко к экспедициям подпускать нельзя. «Вилку не в той руке держишь!» Да мы без неё всё это знаем. Только помалкиваем...

Под ворчанье Никиты Алёша лежал неподвижно, согревался и согревал собою простыню, пахнущую смолой, туманом и камским ветром. Ему хотелось тихонько, чтобы никто не услышал, ни одна душа не узнала, зареветь. Отчего? Он и сам толком не мог объяснить. И всё же ему дремалось, и в дремоте под ворчанье Никиты наплывали воспоминания о доме, об отце, о матери.

И в этих воспоминаниях мать, как в яви, брала его на руки и уверяла:

«Да никто тебя не прогоняет. Никто! Большенький ты мой. Умница... Зёрнышко-ооо...»

БОТНИК

На Кобыльем озере испокон веков держался ботник — маленькая лодка-плоскодонка. Он был чёрным от смолы и от воды, никому не принадлежал, и прохожий удильщик мог всегда порыбачить с ботника, тем более что озеро, топкое окружение, было доступно в единственном месте — у сухого бережка.

В сухой бережок отец Алёши давно вколотил кол с дощечкой для острастки:

«РЫБАЧИТЬ ТОЛЬКО УДОЧКОЙ!» — было написано на ней большими печатными буквами.

Сегодня Алёша пришёл на озеро один и обнаружил ботник на чистоплёске — на открытой воде.

Мальчуган собрался было сплавать за ним, потянул рубаху с плеч и замер: за ним кто-то наблюдал. Кто?

Алёша повёл глазом вправо, влево...

Из высокой травы на него глядела девочка. Росточком она была повыше Алёши, и он сердито спросил:

— Ты чья?

Девочка что-то ответила, он не понял. Ни удильщ, ни какой другой снасти при ней не было, но Алёша кивнул на дощечку и предупредил:

— Рыбачить только удочкой!

Девочка вышла из травы и показала ему лукошко с маслятами, припорошёнными хвоей. Поверх лежал начатый венок и ножик не ножик, а так, белая железка на деревяшке.

Алёше опять захотелось спросить: «Ты чья?» Но он вспомнил, что бабушка Устинья, отцова мать, в таких случаях отвечала: «Для глухих две обедни не служат», и переспросить побоялся.

С того берега потянул ветер и пригнал ботник в заливчик — им под ноги.

— На той стороне кувшинок много, — сказала девочка.

Алёша подтащил ботник кормой к берегу и распорядился:

— Проходи на нос. Лукошко оставь тут, у нас воров нету... Погоди, я тебе сена постелю. Плавать-то умеешь?

— Не умею, — призналась девочка, устраиваясь в лодке.

Он оттолкнулся от бережка, лёг животом на лодку и, выждав момент, ловко сел и взялся за кормовик —

за обломок доски, исполняющий обязанности весла.

Выгребая на средину, Алёша без нужды раскачивал лодку, чтобы долговязая пассажирка натерпелась страху.

Она сидела напротив, тонкие руки вытянула вдоль бортов и с уважением наблюдала за всеми Алёшиными действиями.

Посерёдке озера Алёша положил кормовик поперёк лодки и слово в слово повторил отцово выражение:

— До чего же красиво Кобылье озеро — глаз не отвести!

Высказывание произвело впечатление на девочку, и она огляделась вокруг.

С лодки озеро было на особицу, не то что с берега: с берега оно всё время пряталось за тальником, за камышом, за кочками — помашет вода узким крылышком, и всё. Сейчас озеро лежало открыто и просторно, и со всех сторон к ботнику сплывались золотые утёнышки-кувшинки.

— Я кувшинку первый раз близко вижу. — Девочка улыбнулась и заслонила улыбающийся рот ладошкой. — Какая красивая, и жуки в ней ползают. Ой, что это? Рыба бьётся, да большая!

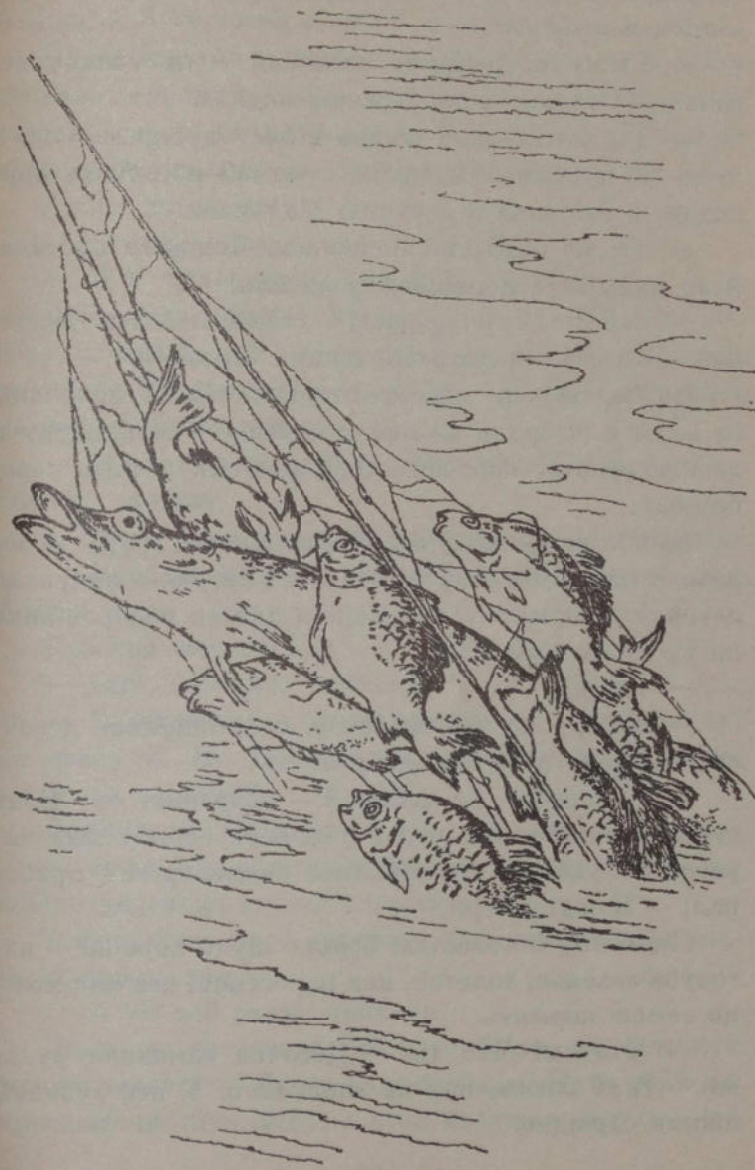
Обеими руками девочка приподняла из воды тяжёлую верёвку с ячейками понизу. В них трепыхался серебряный карась. Сеть — снасть запретная!

Алёша ухватился за верёвку, отвязал её от подводного шеста и попросил:

— Помоги в лодку затащить. Не утони только.

— Ладно, — согласилась девочка. — Не утону.

В четыре руки они погрузили на днище сырую

огрузлую сеть вместе с водорослями, листьями кувшинок и рыбами.

— Рыбы-то, рыбы-то сколько! — ужасалась девочка. — Столько я никогда не видела.

— Ты чего — всю жизнь в лесу прожила?

— В пустыне. Сюда мы с мамой погостить приехали, к бабушке в деревню Мальцево.

— Ты не особенно шевелись. Лодка-то просела. А то кувырк — и прощай родители!

— Это не я шевелюсь, — оправдывалась девочка. — Это сеть шевелится, ажник страшно.

На берегу они вдвоём отволокли сеть подальше от воды и выбрали из неё всю рыбу — одну щуку и десять ровных карасей: пять золотых и пять серебряных.

Алёша разделил рыбу на две равные груды — золото в одну сторону, серебро в другую, — попросил девочку отвернуться и положил листок подорожника на красных карасей.

— Кому?

— Тебе, — не задумываясь, откликнулась девочка, и Алёша подумал: добрая!

— А серебро ты забирай, — разрешил он. Пока девочка колебалась, перекидал всех серебряных карасей в лукошко и в прилив великодушия прибавил: — И щуку бери.

Прибавил и пожалел: больно щука хороша — изголуба-зелёная, толстая, как поросёнок, два дня можно семью кормить.

— Что ты! Что ты! — Девочка замахала руками. — Я её боюсь, как не знаю кого. У неё зубищи, ажник страшно!

— Если боишься, тогда конечно... — обрадовался Алёша. — Я её тогда с собой возьму.

Перед дорогой они мелко изрезали сеть — сколько хватило терпения. Белая железка на деревяшке оказалась острой на удивление. В пальцах у девочки ячеи разваливались и потрескивали, как на огне.

Алёша похвалил:

— Больно ловко у тебя порется!

— Я и шить умею, — сказала девочка.

В её ответе Алёше почудился испуг. Он снял рубаху, завернул в неё свою рыбу и с узелком на отлёте до дороги проводил спутницу — она всё косилась на шевелящийся узел.

— У вас там, в пустынях-то, хорошо, наверно? — спросил Алёша.

— Чего хорошего-то? Один песок да верблюды.

— Верблюды — они хорошие, — уверенно сказал Алёша.

Девочка согласилась:

— Они, конечно, хорошие.

— Слушай-ко! — загорелся Алёша. — Ты приходи на озеро-то. Не завтра — так послезавтра. Я тебя на лодке покатаю!

Девочка оглянулась.

— Я бы пришла, да боюсь: там из-за кустов какой-то дяденька на нас глядел.

Алёше тоже стало страшно. Он покосился на сосны и прошептал:

— А ты всё равно приходи.

Дома он рассказал всё, что было, не помянул только девочку — будто её и не было. Мать ушла на крыльцо чистить рыбу, а отец подумал вслух:

— Это, наверно, Мымра сеть ставил. Жадный мужик! Ходит в рваньё, а когда старые деньги меняли на новые, кошель сотенных привёз в город. Одни сотенные! И плесенью пахнут. В городе аж удивились: «Где, говорят, ты их взял? У нас, говорят, таких денег нет, чтобы тебе отдать рубль в рубль».

Послезавтра Алёша пораньше был у озера, чтобы загодя встретить гостью. Ботника он не нашёл — ни в заливчике, ни в камышах. Мальчуган даже на берёзу залезал — сверху озеро просматривается хорошо, — нету ботника, что ты будешь делать!

Алёша слез на землю и увидел девочку.

— Ботник украли.

Девочка насыпала ему полную горсть малины и сказала:

— Давай-ка его хорошенько поищем.

Близко к воде не подпускали кочки; Алёшу они держали некрепко и раза два его искупали в грязи, а под девочкой только пружинили, хотя она была выше ростом. С кочки на кочку она допрыгала до озёрного рукава, через тальник протянутого к Каме, и ладонью поманила Алёшу:

— Иди-ка сюда.

Алёша встал на соседнюю кочку, заглянул в мелкую воду и на дне увидел затопленный ботник — под водой он казался крупнее, будто вырос за это время. В нём лежало два камня, шныряли мелкие окуньки, нюхали борта и удивлялись: «Раньше такого не было...»

Алёша разделся, залез в воду. Одному лодку не стронуть — подал девочке ржавую цепь, привинчен-

ную к переду, вывалил камни. Вдвоём они выволокли ботник на сухое.

Воды в нём не было — вся она ушла в круглую пробоину на днище.

А ещё в ботнике прыгал окунишка; девочка накрыла его ладошкой, отнесла в озеро и, вернувшись, села на ботник рядом с Алёшей. Он пообещал:

— Я завтра принесу молоток и гвозди и почию ботник. Завтра досыта накатаемся.

— Завтра я уже не приду, — сказала девочка. — Завтра мы... уезжаем.

Она отошла от Алёши, присела перед одувачиком, обдула его, вернулась и протянула Алёше руку:

— До свиданья.

Он вытер свою ладонь о штаны, пожал её холодные пальцы и сказал:

— А то бы пришла завтра...

Девочка улыбнулась и прикрыла улыбку рукой:

— Мы вчера карасей жарили. Спасибо за угощение.

— А мы ещё не успели, — сказал Алёша. — Мы их покамест в подпол спустили.

Они постояли напротив друг друга, и девочка несмело спросила:

— Я пойду?

— Найдёшь дорогу?

— Найду.

Бочком она отошла от Алёши, ступила в высокую траву, и трава сомкнулась за ней — сколько ни смотри, никого не увидишь.

На другой день отец и Алёша пришли чинить ботник. Отец осмотрел пробоину, потоптался вокруг, подобрал в тальниках окурочек и сказал:

— Понятное дело — Мымра. Его след: папиросы-гвоздики, других он не признаёт. И дно пробито, как по циркулю. Не любит он неряшества в «работе». Больше мы его на Кобыльем озере не увидим — вспугнул ты его, сынок!

Инструментов у отца особенных не было — гвозди да топор: он и за молоток, и за тесло, и за пилу.

Отец перевернул раненый ботник днищем вверх и удивился:

— Ты, сынок, один такую тяжесть из воды тащил? Меньшой замешкался, и старшой заключил:

— В твои годы я бы так не сумел. Какие ещё твои

годы, а сеть выбрал, лодку спас! Здоровый нынче пошёл народ, упитанный.

Мальчуган покраснел.

Пока отец тесал заплату да заделывал ранение, Алёша прошёлся в ту сторону, куда вчера ушла девочка. Трава встала стенкой и далеко не пустила его, будто здесь и не проходил никто.

А если и проходил какой человек, то очень лёгонький — любая травинка в его следах распрямится и будет расти дальше.

СОДЕРЖАНИЕ

Певучая гора	3
Сухая грива	10
Загадаю загадку	20
Солнце с ушами	27
Обиделся	35
Парус	42
Ботник	54

10 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Книга за книгой» в 1987 году
выходят следующие книги:

Воскресенская З. КРАСНЫЙ БАНТ

*Рассказы о детях, которые помогли отцам и братьям
бороться за свободу в годы первой русской революции.*

Коршунов М. ДОМ В ЧЕРЁМУШКАХ

*Повесть о том, как провели лето в деревне два городских человека —
взрослый и мальчик, как наладилась у них дружба
и самостоятельная трудовая жизнь.*

Кузьмин Л. ЛЮБОВЬ НИКОЛАЕВНА

Рассказы о жизни сельских ребят, о дружбе и трудолюбии.

Фадеев А. МЕТЕЛИЦА

*Отрывок из романа «Разгром» о событиях гражданской войны
на Дальнем Востоке.*

Для младшего школьного возраста

Станислав Тимофеевич Романовский

ПЕВУЧАЯ ГОРА

Рассказы

ИБ № 8791

Ответственный редактор Л. Г. Тихомирова. Художественный редактор Т. М. Токарева. Технический редактор Е. Н. Кудрярова. Корректор Э. Н. Сизова. Сдано в набор 04.07.86. Подписано к печати 29.09.86. Формат 60×90/16. Бум. кн.-журн. № 2. Шрифт обыкновенный. Печать высокая. Усл. печ. л. 4. Усл. кр.-отт. 4,5. Уч.-изд. л. 2,58. Тираж 900 000 экз. (1-й завод 1 — 450 000 экз.). Заказ № 3857. Цена 10 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росгизполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Суворовский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»